

В. З. Фрадкин

Харьков

ХІІ археологический съезд и его значение в развитии отечественной этнографии

Известно, что этнографическая наука, в самой основе которой заложено демократическое начало, связанное с изучением народной жизни во всех ее проявлениях, на украинской почве была лишена всякой официальной поддержки, а ее развитие тормозилось всевозможными запретами, ограничениями украинской печати, преследованиями прогрессивно настроенных деятелей науки и культуры, обращавших серьезное внимание на изучение духовной и материальной культуры украинского народа [Лавров 1958, 171—204]. Более того, с закрытием царскими властями Юго-западного отдела Русского географического общества в Киеве в 1876 г., Украина оказалась без научно-организационного центра фольклорно-этнографических исследований. И все же, несмотря на такие неблагоприятные обстоятельства, украинская этнография как наука заняла в начале XX ст. одно из ведущих мест в кругу гуманитарных дисциплин.

Именно поэтому изучение организационных форм, в которых происходило ее самоутверждение, и факторов, ему способствовавших, вызывает большой научный и общественный интерес. С этой точки зрения важное познавательное значение представляет история отдельных научных обществ, и особенно таких, как возникшее в 1877 г. при Харьковском университете — Харьковское историко-филологическое общество (ХИФО), фольклорно-этнографическая деятельность которого стала даже предметом специального диссертационного исследования [Фрадкин 1973].

В начале XX ст. ХИФО, возглавляемое выдающимся подвижником науки и образования на Украине, заслуженным профессором Харьковского университета Н. Ф. Сумцовым, располагало богатейшим по числу документальных материалов — Историческим архивом, преобразованным в 20-е годы в ЦГИА Украины, уникальнейшим по своей научной ценности Этнографическим музеем, ставшим в советское время основой музея Слободской Украины им. Г. С. Сковороды, Педагогическим отделом, собственно, первым педагогическим обществом на Украине, оказывавшим методическую помощь средним учебным заведениям всей России, двумя специальными научными библиотеками и возникшим в годы Первой мировой войны Англо-французским отделом (1916 г.) с целью научного сближения и общения с союзниками России в области историко-филологических дисциплин.

Изучение более чем сорокалетней истории ХИФО показало, что его научное наследие в виде «Сборников» (т. 1—21, Харьков, 1886—1914) и «Вестников» (вып. 1—5, Харьков, 1911—1914), содержащих, по определению крупнейшего знатока

отечественной фольклористики М. К. Азадовского, «богатейший материал по этнографии и фольклору» [Азадовский 1963, 293] и принесших провинциальному обществу европейскую известность и признание в славистическом научном мире, ставило из-за недостатка средств лишь довольно скромную часть научной продукции, которая могла быть реализована на страницах указанных изданий [Фрадкин 1982, 223—248]. Сохранившийся архив общества, библиографический учет его дел свидетельствуют о том, что основная масса исследований после предварительной научной апробации на заседаниях ХИФО публиковалась затем в различных периодических изданиях России и за рубежом. В ходе изучения научного наследия членов ХИФО было установлено, что немало их рукописных статей, черков, целых сборников, содержащих ценные фольклорно-этнографические материалы, и поныне ждут своих исследователей в архивных хранилищах Киева, Харькова, Москвы и Санкт-Петербурга. Достаточно упомянуть, что в Санкт-Петербурге в архиве бывшей АН СССР, в личном фонде Д. К. Зеленина, хранится рукопись первого собрания украинских народных песен И. И. Манжуры, более полувека разыскиваемого исследователями [Архив РАН, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 547], в архиве Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва) находится «великолепный», по авторитетному мнению бывшего члена ХИФО, известного в советское время литературоведа, профессора И. Я. Айзенштока, сборник сказок и другие исследования, подготовленные членом того же общества В. Ивановым к печати еще в 80—90-е годы XIX ст. [Айзеншток 1971, 110; Антонец 1908, 128, 169].

Таким образом, уже предварительное ознакомление с научным наследием ХИФО убеждает в том, что освещение его многолетней фольклорно-этнографической деятельности должно стать важным звеном в изучении отечественной этнографии конца XIX — XX ст. Подтверждением вышесказанному может служить и предлагаемый очерк по истории подготовки и проведения XII археологического съезда в 1902 г. в Харькове. В почти полувековой истории археологических съездов Российской империи, проводившихся регулярно один раз в три года с 1869 по 1911 г. и являвшихся крупнейшими событиями в научной и культурной жизни того времени, XII Харьковский занимает особое, исключительное место. В силу многих обстоятельств, частично отмеченных еще его участниками [Труды... 1905, 261—281] и актуализированным спустя 90 лет, в выступлениях на Всеукраинской научной конференции, проведенной в стенах Харьковского национально-университетского [История... 1992, 75—76].

В условиях демократизации общества эта конференция стала подлинным актом восстановления исторической памяти и справедливости к событию, замалчивание или недооценка которого долгие десятилетия не давали возможности представить реальную картину бурного развития исторических областей знания в конце XIX ст. С высоты времени, в канун 100-летней годовщины этого съезда приходится констатировать и особо отмечать, что сама организация подготовительной работы к нему, которую вынесло на своих плечах главным образом ХИФО, которая предопределила, в конечном счете, впечатляющие его итоги, может и должна служить поучительным примером для многих научных обществ, краеведческих организаций и даже академических учреждений исторического профиля. Научное наследие XII съезда превосходило остальные не только количеством, но и качеством изданий (3 тома «Трудов» самого съезда, 2 тома «Трудов Харьковского

предварительного комитета...», «Известия XII археологического съезда», «Альбом» и «Каталог» выставки, последний объемом в 40 печ. л.), но и, главное, — необычайно широким диапазоном исследований. В его спектре нашли отражение все отрасли историко-филологических знаний, краеведческий аспект которых позволяет квалифицировать XII археологический съезд как первый съезд по историческому краеведению Левобережной Украины и юга России. Не менее весомым, так сказать материализованным аргументом в пользу этого заключения явилось устройство выставки съезда, где несколько тысяч научно атрибутированных экспонатов, полученных в ходе многочисленных разведок, археологических раскопок курганных и грунтовых могильников, поселений, этнографических и фольклорных экспедиций (экскурсий), главным образом на Слобожанщине, были размещены в семи отделах: первобытные древности, церковные древности, древности исторические, старопечатные книги, рукописи, картография и этнографический, ставший самостоятельной выставкой, занявшей просторное, в несколько сотен квадратных метров, помещение читального зала университетской библиотеки. На базе последнего отдела, экспонаты которого всесторонне отражали материальную и духовную культуру населения Слободской Украины, позднее был создан этнографический музей ХИФО, имевший «высокую научную ценность», по заключению выдающегося специалиста в области славянской этнографии, фольклористики и диалектологии Д. К. Зеленина [Зеленин. Архив РАН, ф. 849, оп. 2, ед. хр. 90, п.].

Созданию этого первого и единственного в отечественной практике дооктябрьского музееведения на Украине этнографического учреждения, предшествовала длительная, почти трехлетняя подготовительная работа к XII археологическому съезду в Харькове. И хотя ответственность за его организацию была возложена на специально созданный Харьковский предварительный комитет, осуществлявший подготовительную работу при поддержке идентичного Московского комитета, можно смело утверждать, что главная заслуга в решении множества вопросов, связанных с этим крупным в научной и культурной жизни России событием, принадлежит ХИФО.

Объясняется это не только наличием в ХИФО значительного числа крупных ученых, но и накопленным в предшествующий период опытом организации краеведческих исследований, когда в 90-е годы XIX ст. была разработана методика таких исследований и осуществлено с помощью местной интеллигенции историко-этнографическое изучение Харьковской губернии [Жизнь... 1898; Фрадкин 1982, 229]. Этнографическая направленность в работе ХИФО почти всем составом, вошедшим в Харьковский предварительный комитет (из 82 членов комитета — 56 являлись представителями ХИФО), обнаружилась уже на первом заседании в Московском археологическом обществе, участники которого по предложению харьковских Делегатов Д. И. Багалея, А. Н. Краснова, Н. Ф. Сумцова, приняли решение наряду с археологической выставкой устроить этнографическую.

По проекту А. Н. Краснова на будущей выставке должны были быть представлены материалы, отражающие историю культуры «южнорусской народности» (т. е. украинского населения. — В.Ф.), проживавшего в Харьковской, Курской, Воронежской, Екатеринославской, Херсонской губерниях и Кубанской области с «широкой целью отметить видоизменения культуры под влиянием геофизических перемен, пережитки старины и влияние соседних народностей, а равно антропологические данные и памятники духовной культуры» [Труды... 1905, 218].

Осуществление такого проекта с учетом слабой изученности огромного региона вызвало, как отметила в своей речи на открытии XII съезда председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова, серьезное беспокойство в кругах столичных ученых [Там же, 269].

Пытаясь рассеять их сомнения, П. С. Уварова уже на втором заседании, состоявшемся 5 января 1900 г. в Москве, обратила внимание членов комитета на «кружку» и «крайне благоприятную особенность» предстоящего съезда, заключающуюся в том энергичном и крайне сочувственном отношении к его проведению, которое проявило впервые за всю практику съездов Харьковское городское общественное управление. Выразив готовность содействовать его организации и проведению, оно даже поручило заместителю городского головы прибыть в Москву на заседания комитета [Там же, 219]. Более того, для успешной реализации проекта представители Харькова не ограничились объединением местных сил в составе предварительного комитета, Совета университета, городского управления, Губернского статистического комитета и ХИФО. С целью развертывания и координации исследовательской работы на местах по их инициативе и с их помощью к осени 1900 г. было открыто еще 7 отделений Харьковского предварительного комитета по устройству XII археологического съезда в Воронеже, Курске, Ектерине, Полтаве, Екатеринославе, Новочеркасске, Екатеринодаре.

Активное участие в подготовительной работе принял Новороссийский университет и Одесское общество истории и древностей, Киевское общество Нестор-летописца и Нежинское историко-филологическое, Новочеркасский музей, Черниговская и Полтавская ученые архивные комиссии, Общество любителей кубанского края, Воронежский, Курский и Харьковский статистические комитеты. Для устройства этнографической выставки под председательством А. Н. Красова была создана специальная комиссия, в которую вошли Н. Ф. Сумцов, Я. Ефименко, Е. П. Радакова, М. Г. Халанский, А. М. Покровский и другие члены ХИФО [Записки... 1900, 2]. На комиссию возлагались разработка и распространение программ, организация этнографических экспедиций, систематизация, каталогизация коллекций. Вскоре Н. Ф. Сумцов представил три программы: для сбора этнографических предметов к выставке; сведений о кобзарях и лирниках; сказок и сведений о них. Все они, так же как и программы, подготовленные И. Багалеем для сбора сведений по историческим древностям и Е. К. Редина для сбора сведений о церковных древностях, были помещены в «Записках Харьковского университета» [Там же 1900, 29—32; 32—36; 36—37; 23—25; 25—27], а затем тиражированы и разосланы по всему региону исследований в редакции местных газет вместе со специальным обращением комитета с просьбой о действии.

Только в Харьковской губернии в адрес уездных земств, сельских учителей, пенсионеров, любителей-краеведов было разослано свыше 2000 экземпляров программ и получено свыше 1000 ответов на них, многие из которых и сейчас хранятся в архиве ХИФО и содержат описание жилищ, хозяйственных построек, одежды, головных уборов, утвари, цветные рисунки отдельных предметов быта т. А. [ЦГИА, ф. 2017, ед. хр. 770—799].

Некоторые из них представляют полные и даже иногда литературно обработанные очерки, как, например, «Свадебные ритуалы в селении Старый Салтов Мачанского уезда» учителя А. Г. Водолазского или «Свадебные обычаи и песни крестьян села Людзи» В. А. Грищенко, другие располагают обильным материа-

лом для подобных очерков. На основе вышеуказанных программ Нежинское историко-филологическое общество подготовило и распространило 3000-м тиражом «Программу для собирания сведений о Черниговской губернии» [Труды... 1905, 277]. Впоследствии программы Харьковского комитета были переизданы при подготовке к XIII археологическому съезду в Екатеринославе [Дашкевич 1927, 149—165]. Не ограничиваясь рассылкой программ и письменными обращениями с разъяснением предстоящих задач и путей их осуществления, Д. И. Багалей выезжал в Екатеринодар и Новочеркасск, Е. П. Радакова — в Екатеринослав, Н. Ф. Сумцов — в Полтаву.

По размаху подготовительной работы Харьковский съезд не имел себе равных в истории археологических съездов России. Впервые в практике съездов в эту работу были вовлечены почти все южные губернские и уездные земства; характерно, что в одной только Харьковской губернии земство выделило 2500 рублей на организацию этнографической выставки [Известия... 1902, 23]. На эти средства совершались научные разведки и экспедиции, как для приобретения экспонатов на выставку, так и с целью изучения населения в этнографическом, антропологическом и диалектическом отношении. По поручению комитета А. Н. Краснов проводил исследования в Харьковском уезде, Н. Ф. Сумцов с А. Д. Твердохлебовым и студентом Карташевым — в Ахтырском и Лебединском уездах, Б. С. Познанский — в Старобельском, А. М. Покровский — в Змиевском, В. А. Бабенко — в Волчанском, Е. П. Радакова — в Екатеринославской губернии, а М. Г. Халанский — в Курской губернии [Труды... 1905, 292, 29, 1—57, 178—210, 363, 371, 294; Халанский 1904, 321—360]. На заседаниях комитета были заслушаны десятки отчетов и докладов об экспедициях, результатах полевых наблюдений, причем все это предавалось широкой гласности, публиковалось сначала в «Известиях XII археологического съезда» [Харьков 1901—1902], а затем в «Трудах Харьковского предварительного комитета» [Харьков 1902].

Этнографическая направленность в деятельности Харьковского комитета оказала влияние на работу остальных комитетов и комиссий. Так, Донской комиссией были собраны сведения о лирниках и богатая этнографическая коллекция. Полтавская — командировала известного краеведа-этнографа В. И. Василенко для изучения населения Литовского рубежа, проходящего через Полтавскую губернию, а для сбора этнографических материалов в уезды были направлены М. А. Олеховский и Л. А. Падалака. Нежинская комиссия предприняла попытку собрать народные музыкальные инструменты; ее сотрудники записали, с соблюдением местных текстуальных и музыкальных особенностей, украинские песни и при помощи А. Н. Малинки составили этнографический альбом для выставки [Труды... 563—569, 520—522, 554—556]. В свою очередь ХИФО приурочило к открытию съезда богато иллюстрированное издание «Южнорусского орнамента» П. Я. Литвиновой с обширным предисловием Е. К. Редина и выпуск второго тома «Трудов» Харьковского комитета, содержащего целый ряд этнографических работ, не утративших со временем своей научной ценности. Среди них особенно выделяется по полноте и завершенности исследование М. А. Русова «Поселения и постройки крестьян Полтавской губернии» [Сборник... 1902, 73—120].

Приведенные и далеко не исчерпываемые факты, затрагивающие разнообразные аспекты этнографической деятельности, позволяют сделать вывод о том, что подготовка к XII археологическому съезду стала крупной вехой в истории развития отечественной этнографии; она оживила работу по собиранию и изуче-

нию памятников духовной и материальной культуры населения Левобережной Украины и юга России; пробудила интерес у значительной части сельской и городской интеллигенции, студенчества к историческому краеведению, позволила ввести в научный оборот массу частично обработанных фольклорно-этнографических материалов, публиковавшихся в трудах вышеназванных комиссий, комитетов и обществ.

Работа XII археологического съезда проходила 15—27 августа (по ст. стилю) 1902 г. в 9 секциях: 1) Древности первобытные; 2) Древности историко-этнографические и этнографические; 3) Памятники искусств, художеств, нумизматики, сфрагистики; 4) Быт хозяйственный, домашний, юридический, общественный и военный; 5) Древности церковнославянские; 6) Памятники языка и письма; 7) Древности классические, восточные, византийские; 8) Древности славянские; 9) Памятники археологические.

На этом съезде этнографические проблемы заняли едва ли не главное место, достаточно сказать, что из 94 докладов, заслушанных в 9 секциях, свыше 30 касались или изучения разнообразных явлений народной жизни и быта или этнической истории. Съезд сыграл важную роль в истории украинского народного творчества, и в этом немалая заслуга председателя ХИФО Н. Ф. Сумцова. Его программа вызвала необычайно широкий интерес к хранителям украинского эпоса: кобзарям, бандуристам и лирникам, влачившим жалкое существование и к тому же нередко преследуемым полицией. По этой программе были предприняты специальные исследования в Харьковской, Черниговской и Полтавской губерниях, выявлены все здравствующие к тому времени народные певцы и музыканты, описаны их биографии, репертуар и особенности исполняемых ими песен [Труды... 1905, 406—408; Крист 1902, 121—133; Сумцов 1902, 217—226; 1905, 308, 402—440]. Приглашенные на съезд по инициативе Н. Ф. Сумцова кобзари и лирники исполняли перед делегатами думы исторические песни, колядки, песни юмористического и сатирического содержания. Сам Н. Ф. Сумцов дважды выступал с докладами о значении украинского эпоса, о роли певцов в сохранении эпических традиций, об их тяжелой участи. Именно по его предложению съезд принял обращение в адрес министра внутренних дел с ходатайством о государственной защите кобзарей, бандуристов и лирников [Айзеншток 1971, 401].

В ходе съезда по инициативе председателя Полтавской комиссии В. И. Василенко был рассмотрен вопрос о принятии решения об организации региональных систематических исследований в области народного быта, земледелия и земледельческой техники, метеорологии. Но главное, что имело огромное значение для развития исторического краеведения, съезд обратил внимание губернских властей на необходимость создания историко-археологических и этнографических музеев, а также об организации в каждой губернии обществ любителей изучения края.

Этнографическая выставка, на подготовку которой ушло свыше двух лет напряженной работы по розыску и приобретению необходимых экспонатов, каталогизации и размещению коллекций, оформлению залов целой группой художников во главе с С. И. Васильковским и В. Г. Кричевским [Данилевич 1991, 135], была не только крупнейшим событием в истории украинской этнографии; ее организация положила начало качественно новому подходу к изучению народной культуры, где каждый предмет материальной культуры был паспортизован и имел свою научно-этнографическую ценность.

Приуроченная ко времени работы съезда выставка функционировала с 15 по 27 августа 1902 г. и сыграла важную роль в деле популяризации этнографической науки, пропаганды этнографических знаний, так как на ней побывало почти 57 тысяч посетителей, число «невероятное и невиданное на остальных съездах» [Труды... 1905, 423]. Коллекции выставки, характеризующие главным образом материальную культуру слобожан, были размещены в 26 отделах экспозиции и насчитывали свыше 2000 единиц хранения. Первые три отдела давали возможность ознакомиться с жилищем, его внутренней обстановкой и убранством, домашней утварью, включая предметы освещения; хозяйственными постройками и планами поселений. Далее в пяти отделах экспонировались уникальная коллекция украинской и русской одежды, обуви, украшений, дополняемая 29 манекенами в костюмах, из которых два были облачены в шахтерский наряд. Девятый отдел был посвящен земледелию, орудиям обработки полей, различным приспособлениям для помолы зерна, мучным изделиям, десятый — пчеловодству и домашнему изготовлению свечей. В XI—XVI отделах экспонировались орудия, приспособления и изделия, связанные с кустарными промыслами и ремеслами: бондарством, гончарством, ткачеством, козачеством (ковроделием), шерстобитством, ковальством (кузнечным делом), чеботарством (изготовлением кожаной обуви), золотарством (изготовлением ювелирных изделий) и др. Богат и разнообразен был XVII отдел, посвященный народному искусству. В XVIII отделе, посвященном в основном свадебной обрядности, были сосредоточены народные музыкальные инструменты. Особым вниманием пользовался XIX отдел «Народная медицина», представленный коллекцией более чем двухсот целебных трав с народными рецептами по их использованию от соответствующих заболеваний. Последующие отделы включали в себя коллекции детских игрушек, чабанских предметов, предметов курения, предметов для измерений и счета, ловушек различного рода, рыболовных снастей, картин этнографического содержания.

По завершению работы съезда коллекции выставки были переданы в собственность ХИФО, но об устройстве музея не могло быть и речи из-за отсутствия помещения. Только осенью 1904 г., когда было закончено строительство здания для исторического архива, в одной из его комнат Н. Ф. Сумцов занялся разборкой и систематизацией коллекций и уже в 1905 г. музей начал функционировать. Число отделов было сокращено до 21. Хотя с научной точки зрения такая классификация не отличалась последовательностью, так как тематическая систематизация музейных предметов сталкивалась с классификацией по роду материалов, зато она была полезна при комплектовании фондов [Разгон 1961, 263].

Фонды музея пополнялись в основном за счет частных пожертвований. Так, например, в отчете о работе музея за 1908 г. его хранитель В. Е. Данилевич указал, что с 1903 г. поступило 6 фотографий с видами построек и жилых зданий станции Ново-Минской (Краснодарский край) и 7 фотографий, отражавших отдельные моменты казачьей свадьбы на Кубани; 2 глиняные свистульки, 2 крестьянские палки, 244 фотографии из коллекции Шабельских вместе с экземплярами кик и повойников крестьянок Вологодской, Костромской, Рязанской и других великорусских губерний; студент Ветеринарного института В. Жуков подарил «тобаки» (меховая обувь зырян) и накомарники; сам Данилевич — предметы быта крымских татар [Данилевич 1908, л. 9—10]. Накопление фондов происходило медленно, но все же к 1917 г. только в экспозиции музея насчитывалось свыше 2200 экспонатов [Записки... 1917, 30]. В 1907 г. музей был открыт для публики. Только

Первые три года его посетило свыше 5500 человек — цифра не малая, если считать, что музей был открыт для широкого доступа всего 4 часа в неделю (Данилевич 1908, л. 1). С 1905 г. при музее начали создаваться архив и библиотека, в каталоге которой насчитывалось до полутора тысяч специальных этнографических изданий. Отсутствие средств, необходимых для ведения планомерной научно-исследовательской работы, для расширения музея (на его содержание университет выделял ежегодно крайне незначительную сумму — 200 рублей), компенсировалось в какой-то мере необыкновенно высоким энтузиазмом самого заведующего Н. Ф. Сумцова и хранителей, которыми были: В. Е. Данилевич (1905—1908), В. И. Савва (1908—1911), А. И. Белецкий (1911—1916), Д. К. Зеленин (1917—1919). Они отдавали много сил и времени, чтобы сделать музей подлинным научно-просветительным центром. С этой целью В. Е. Данилевич выезжал в Киев и знакомился с экспозицией Этнографического отдела Киевского художественно-промышленного музея [ЦГИА, ф. 2052, ед. хр. 368, л. 1], А. И. Белецкий с командировочным предписанием ХИФО изучал методику хранения коллекций Дашевского музея и одновременно закупал редкие этнографические издания у букинистов Москвы [Архив Института 1894, ед. хр. 161, л. 3; 1900, ед. хр. 163, л. 1]. Стремясь сделать фонды музея достоянием широкого круга исследователей, Н. Ф. Сумцов в 1909 г. предложил издавать годовые отчеты с приложением в виде иллюстраций и описанием коллекций под названием «Вестник Этнографического музея». Но ходатайство ХИФО о выделении дополнительных средств не было удовлетворено университетом [ЦГИА, ф. 2017, ед. хр. 182, л. 57].

Несмотря на стесненность в средствах, музей стал не только учебно-вспомогательным учреждением Харьковского университета, где проходили этнографическую практику студенты, но и важной научной базой для многих, в том числе зарубежных специалистов в области восточнославянской этнографии. С изучением его коллекций начинал свою научную деятельность Вильд Мансикка, один из первых финских филологов-славистов, ставший крупным специалистом в области восточнославянского фольклора. Здесь работали венский этнограф, профессор А. Шрадер и видный теоретик «финской школы» в фольклористике Анти Барне [Фрадкин 1982, 235].

Музейные коллекции легли в основу позднейших работ Д. К. Зеленина, упомянутого, по воспоминаниям члена ХИФО И. Я. Айзенштока, очень много времени потратившего на изучение и описание одежды, хранящейся в музее [Зеленин 1926, 303—338; 1927, 335—556]. В Харьков по рекомендации В. Н. Харузиной прибыла Р. С. Данковская для продолжения исследования «обрядовых печений», наиболее полно представленных в музее ХИФО [ЦГИА, ф. 2052, ед. хр. 1270, л. 1]. О высоком научном уровне музея и полноте его украиноведческой экспозиции свидетельствует обращение чешских ученых к Н. Ф. Сумцову с просьбой помочь создать при Пражском этнографическом музее украинский отдел [Сумцов 1910].

Научная ценность музея ХИФО определялась не только наличием в нем уникальных коллекций, всесторонне отражавших быт и культуру населения Слободской Украины, но и тем, что это был практически единственный музей в России, созданный в результате особой экспедиции специалистов. Действительно, этнографические музеи России создавались главным образом на основе случайных коллекций и пожертвований, и поэтому, вполне естественно, их первоначальная организация преследовала цель продемонстрировать наиболее ценные, внушительные и оригинальные предметы материальной культуры. Как

отмечал ученый хранитель Дашковского этнографического музея В. В. Богданов, случайный любительский характер коллекции был свойствен даже столичным музеям [Богданов 1914, 4]. В противоположность им музей ХИФО создавался по определенной научной системе. Одновременность сбора материалов, составивших ядро музея, имела свое большое преимущество в смысле цельности и однородности, равноценности коллекций. К тому же время сбора (1900—1902 гг.) оказалось благоприятным в том отношении, что в пределах Слободской Украины тогда было еще немало таких мест, где старый уклад народной жизни бытовал как нечто вполне конкретное, а рядом были места, население которых переживало переходный период к новым формам материально-культурного быта; но и те, и другие оказались представлены в музее не фрагментарно, не отдельными «обломками» и «окаменелостями», а достаточно полно и выразительно. Материал, собранный харьковскими учеными, представлял особый научно-этнографический интерес и потому, что в пределах Слободской Украины проходила этнографическая граница русских и украинцев. А так как колонизация этого региона, обстоятельно изученная Д. И. Багалеем [Багалея 1918], происходила в сравнительно поздние исторические времена, то исследователям представлялась прекрасная возможность проводить достаточно полные параллели между культурно-бытовым составом (группами) населения и историко-колониционными течениями. На это впервые обратил внимание Д. К. Зеленин, нашедший в материалах музея подтверждение своим выводам, изложенным в книге «Великорусские говоры» (СПб., 1913). Так, прослеживая русскую колонизацию Слободской Украины, он писал в 1920 г.: «Что до великорусского населения Курской губ., богато представленного в Музее, то оно представляет собой четыре весьма ярких и своеобразных этнологических типа: 1) автохтоны края, т. н. горюны (полехи); 2) бывшие однодворцы и притом — самый старый слив однодворцев, двигавшихся в XVI—XVII вв.; 3) так наз. «саяны», бывшие, вероятно, выходцами из-за литовско-польского рубежа, и 4) так наз. «цуканы», т. е. позднейшие переселенцы из других губерний, главным образом северно-великорусских. Если к этому прибавить великорусские острова, вкрапленные среди украинского населения Харьковской губ., в большей или меньшей мере подвергнувшиеся влиянию своих соседней-украинцев, то всякому станет ясным и бесспорным выдающееся этнологическое значение данного пестрого населения, являющегося как бы живым природным музеем. В Харьковском этнографическом музее все эти группы представлены более или менее полно (достаточно) коллекциями народного костюма. И это весьма редкий и крайне ценный факт... Отмеченного было бы уже вполне достаточно для признания крупной научной ценности Музея. Но там мы еще видим весьма богатое собрание редких предметов хозяйственного быта (слобожан), предметов столь редких в наших музеях. Стоит отметить отдельно стоящие коллекции Щабельской, относящиеся к иной местности — к северу Великороссии. Они дают возможность наблюдению сразу объять яркую картину северно-великорусских головных уборов и украинских в их главных типах» [Зеленин. Арзив РАН, ф. 849. оп. 2, ед. хр. 90, л. 2].

Столь высокое мнение крупнейшего русского этнографа о научной ценности музея, является еще одним весомым аргументом в пользу значимости работы, проделанной в начале XX ст. такими выдающимися специалистами, как Н. Ф. Сумцов, Д. И. Багалея, А. В. Ветухов, А. Н. Краснов, Е. К. Редин, М. Г. Халанский, и другими членами общества.

После октябрьского переворота 1917 г. в условиях Гражданской войны на Украине фольклорно-этнографическая деятельность большинства членов ХИФО, прекратившего свое существование в 1919 г., продолжалась в рамках Харьковско-го губкописа и его Этнографической секции, планировавшей и начавшей осуществлять по инициативе Н. Ф. Сумцова и Д. К. Зеленина подготовку научных кадров, специалистов-этнографов [ГАХО, ф. Р.—4365, ед. хр. 10, л. 1—2, 1920]. В 1920 г. в связи с реорганизацией более двух десятков харьковских музеев различного профиля [Там же, ф. Р.—820, ОК 1, ед. хр. 144, л. 42] коллекции Этнографического музея ХИФО легли в основу музея Слободской Украины им. Г.С. Сковороды, превратившегося под руководством академика Н. Ф. Сумцова в крупнейший научно-исследовательский и культурно-просветительный центр на Украине [Лобода 1926, 206]. Созданная при музее этнографическая комиссия, в состав которой вошли академик Д. И. Багaley, профессор Д. К. Зеленин, Р. С. Данковская, Н. Е. Редин, А. А. Николаев и другие, развернула энергичную деятельность.

В начале 20-х годов ее сотрудники разработали целый ряд инструкций, вопросов для собирания обрядовых печений, сведений о троицких и купальских обрядах, детских народных игрушках (опубликована во 2-м выпуске Воронежского Историко-археологического вестника, 1912 г.); план обследования базаров, ярмарок и т.п., проведение этнографической экспедиции на определенную тему. По просьбе Полтавского губкописа комиссия редактировала его программы, а также разработала обширную инструкцию по сбору этнографического материала.

В этот же период сотрудниками музея были собраны сведения о кобзарях и лириках, записаны тексты песен и мелодии к ним, сведения об украшениях окон и хат, о современных детских игрушках, обрядовых печениях, троицких и купальских обрядах Змиевского уезда с записью мелодий обрядовых песен, о рождественских и пасхальных праздниках, крестных ходах, о лечебных травах [Федоровский 1924, 296—298].

Под руководством Д. К. Зеленина его ученики записали несколько тысяч частушек и модных в то время песен. Сам он заканчивал исследование о плетеной обуви и приступил к написанию известной впоследствии работы о женских головных уборах восточных славян. Не прекращали своих исследований бывшие члены ХИФО. А. С. Федоровский продолжал исследование геометрического орнамента писанок, С. А. Таранушенко изучал приемы и особенности народного архитектурного строительства, А. С. Синявский составил программу для собирания диалектологических материалов, по которой были записаны говоры в Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерниях [Николаев. Архив РАН, ф. 849, оп. 5, ед. хр. 491, л. 1—2].

Перечень проводимых сотрудниками музея мероприятий по фольклорно-этнографическому изучению Слобожанщины на этом не исчерпывается. Главное же, однако, заключалось в том, что и этот краткий перечень позволяет сделать выводы о глубокой преемственности фольклорно-этнографических традиций, заложенных в Харьковском университете еще в первой половине XIX в., подхваченных и закрепленных в деятельности ХИФО и получивших дальнейшее развитие в новых исторических условиях и научно-организационных формах. Но, пожалуй, еще важнее и принципиальнее другое: использованный в данной статье конкретный материал, ярко иллюстрирующий историю подготовки и проведения IX археологического съезда в Харькове, находится в явном противоречии с установившимися в советской историографии политизированными догмами о кризисном

состоянии исторических областей знания в конце XIX — начале XX ст., в том числе и этнографической науке.

Недооценка дооктябрьского наследия, попытки всячески его умалить, навешивание всевозможных ярлыков на ученых 20—30-х годов за то, что они не стали правоверными марксистами, нанесли огромный вред не только ее развитию, но и, если говорить шире, всему развитию национальных отношений в бывшем советском обществе.

Литература

Азаговский М. К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. II.

Айзеншток И. Я. Фольклорно-этнографическая деятельность П. В. Иванова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. V.

Бабенко В. А. Коцарство в Харьковской губернии // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.

Багалей Д. И. Программа для собирания сведений по древностям историческим // Записки Харьковского университета. Харьков, 1900. Кн. 3.

Багалій Д. І. Історія Слобідської України. Харків, 1918.

Богданов В. В. Из истории женского южно-великорусского костюма. // Этнографическое обозрение. 1914. Кн. 1—2.

Данилевич В. Е. Этнографический музей // Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805—1905). Харьков, 1911.

Данилевич В. Е. Отчет по Этнографическому музею за 1908 г. // ЦГИА Украины. Ф. 2017, ед. хр. 439.

Дашкевич В. Програми до етнографічно-краєзнавчого дослідження України // Науковий збірник Харківської науково-дослідчої кафедри історії української культури. Харьков, 1927. 4. VII.

Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края Харьков, 1898. Т. I. 1012 с.

Записки имп. Харьковского университета. Харьков, 1900. Кн. 3; 1911. Кн. 3; 1913. Кн. 2; 1917. Кн. 3—4.

Зеленин Д. К. Женские головные уборы Восточных славян // «Slavia». Прага, 1926. № 2; 1927. № 3.

Зеленин Д. К. Записка об Этнографическом музее Харьковского университета. С.-Петербург // Архив Российской АН. Ф. 849, оп. 2, ед. хр. 90.

Известия XII археологического съезда. Харьков, 1902.

История и археология Слободской Украины: Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII археологического съезда. Харьков, 1992.

Краснов А. Эволюция жилища и одежды крестьян ближайших окрестностей Харькова // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.

Крист Е. Н. Кбзари и лирники Харьковской губернии // Сборник ХИФО. Харьков, 1902. Т. 13.

Лавров Ф. І. Цензурні утиски та переслідування українського фольклору в царській Росії / Українська поетична народна творчість. К., 1958. Т. 1.

Лобода А. М. Судьбы этнографии на Украине // Этнография. 1926. № 1—2.

Малинка А. Сведения о кобзарях и лирниках // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.

Маслов С. Н. Лирники Полтавской и Черниговской губернии // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.

- Николаев А. Отчет о деятельности Музея Слободской Украины с января 1920 г. по март 1923 г. // Архив Российской АН. С.-Петербург. Ф. 849, оп. 5, ед. хр. 491.
- От Полтавского статистического комитета // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.
- Познанский Б. С. Одежда малороссов // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.
- Покровский А. М. О золотарстве Харьковской губернии // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.
- Протокол заседаний по устройству XII археологического съезда. 26. X. 1900 // Записки Харьковского университета. Харьков, 1900. Кн. 4.
- Радакова Е. П. Этнографическая экскурсия по Екатеринославской губернии // Труды археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.
- Разгон А. М. Этнографические музеи в России (1861—1917) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961.
- Сборник ХИФО. Харьков. 1902. Т. 13: Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII археологического съезда. Т. II. Ч. II.
- Сумцов Н. Ф. Очерки народного быта (Из этнографической экскурсии 1901 г. по Ахтырскому уезду) // Сборник ХИФО. Харьков, 1902. Т. 13.
- Сумцов Н. Ф. О покровительстве кобзарям и лирникам. Кобзари и лирники // Труды археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.
- Сумцов Н. Ф. К вопросу об учреждении при Пражском чешско-славянском этнографическом музее Украинского отдела // Южный край. 1910. 22 мая.
- Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. III.
- Федоровский А. С. Краеведческая работа в Харькове и на Слободской Украине // Краеведение. 1924. № 3.
- Фрадкин В. З. Фольклорно-этнографическая деятельность Харьковского историко-филологического общества (1877—1919): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л., 1973.
- Фрадкин В. З. Харьковское историко-филологическое общество (1877—1919) // История и историки. Историографический ежегодник за 1979 г. М.: Наука, 1982.
- Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии (Заметки по диалектологии и народной поэзии Курской губ.) // Сборник отделения русского языка и словесности. Известия Академии наук. СПб., 1904. Т. 76.
- Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербург. Ф. 849, оп. 1, ед. хр. 547. 190 л.: Малорусские народные песни, записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях И. И. Манжурой (рукопись).
- Архив Института этнологии и антропологии. Москва. Ф. ОЛЕАЭ (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии). П. В. Иванов. Фамилии крестьян Купянского уезда (рукопись), ед. хр. 128. 53 л. 1894 г.; Знахарство. Шептания и заговоры (рукопись), ед. хр. 169. 60 л. 1900 г.
- ГАХО (Государственный архив Харьковской области). Ф. Р.—4365: Губернский комитет охраны памятников искусства, старины и природы. Ф.Р.— 820, оп. 1 — фонд Губполитпросвета.
- ЦТИА Украины. Киев. Ф. 2052 — личный фонд Н. Ф. Сумцова.
- ЦТИА Украины Ф. 2017.— фонд ХИФО.

